

LITERATUROZNAWSTWO I KULTUROZNAWSTWO

KONRAD RACHUT*

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

СВЕРХСОЗНАНИЕ КАК ТРАГИЧЕСКОЕ «НАКАЗАНИЕ» РОДИОНА РОМАНОВИЧА РАСКОЛЬНИКОВА

Трагизм существования Родиона Романовича Раскольникова – это его отличительная черта на фоне других персонажей романа Преступление и наказание. Одним из его основных показателей в данном контексте становится трагический узел¹, понимаемый как конфликт двух противоположных ценностей, кажущийся безысходным положением. Существенным является тот факт, что этот конфликт полностью осуществляется в пространстве внутреннего монолога Раскольникова. Федор Михайлович Достоевский воспользовался здесь психоанализом с целью отражения душевных мучений, которым подвергался Раскольников на протяжении действия книги. В настоящей статье мы намерены верифицировать тезис о том, что эти терзания являются эффектом попадания Раскольникова в область сверхсознания, вытекающего из факта пересечения грани моральности и психологической устойчивости, находящихся свое место среди перипетий главного героя Преступления и наказания. Несомненно, непрерывные монологические рассуждения, которым однако свойственна параноическая диалогичность, а даже полилогичность, в конечном итоге стали истинным наказанием для Раскольникова – их словесный характер заложен в корне наказ, составляющим основу слова наказание. Таким образом

* Konrad Rachut – magister, doktorant (III rok) w Instytucie Filologii Rosyjskiej i Ukrainńskiej na Wydziale Neofilologii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu; obszar badań: tworzenie, odbiór i tłumaczenie literackich nazw własnych; zainteresowania naukowe: komunikacja niewerbalna w tłumaczeniu symultanicznym, teoria tekstu literackiego; kontakt: 726-647-811, konrad.rachut@gmail.com

1 Макс Шелер, “О феномене трагического”, в: *Проблемы онтологии в современной буржуазной философии*, ред. Т. А. Кузьмин (Рига: Зинатне, 1988), 306.

фундаментальное качество идеи, представляемых персонажами Достоевского, то есть их полифоничность, осуществляется в полном масштабе в словесном наказании, к которому «приговорил» самого себя протагонист романа.

Прежде чем перейти к растолкованию центрального понятия статьи, считаем необходимым отметить, насколько судьба Раскольникова обременена особым видом трагизма. Среди персонажей романа он является единственным *благородным индивидом*², который принимает на себя ответственность за все человечество³. Молодой человек совершает «прорыв в нравственном космосе ценностей»⁴, поскольку, убивая Алену Ивановну, он ставит себе за цель освобождение мира от зла. Однако, в данной ситуации возникает особая парадоксальность положения главного героя произведения – он намерен злом истребить зло. Согласно «неизбежности уничтожения ценностей»⁵ в упомянутом трагическом узле, одна из ценностей должна понести поражение, что воплощается в реальность в форме убийства. Необходимо заметить, что весь трагический конфликт осуществляется в уме Раскольникова, принимая форму перманентных вербальных пыток, что доводит его до психического негодования. Он подвергается этим мучениям из-за того, что обладает широчайшей возможностью нравственного познания⁶, а эта способность вытекает из перехода Раскольникова в сферу сверхсознания. Одновременно, принципиальным в этом контексте является очередная парадоксальность ситуации центрального солнца вселенной⁷, каким считал себя главный герой романа. Она связана с тем, что Раскольников, несущий крест за все человечество, проживает свою трагическую судьбу в полном уединении убогих мест Петербурга – его не признает общество, а он отвергает его⁸. Следовательно, не только определенные черты характера протагониста романа, но также особое трагическое положение заставляют его погрузиться в отчаяние наедине. Имея это в виду, можно сказать, что Раскольникова угнетает как психологическая, так и физическая сторона его бытия.

Сверхсознание связано не только со сферой психологии, но также и со сферой философии, поскольку касается области метафизики, неуловимой для человеческого глаза. При помощи корня *сверх* в этой ситуации акцент ста-

2 Шелер, «О феномене», 314.

3 Ibidem.

4 Ibidem, 315.

5 Ibidem, 309.

6 Ibidem, 313.

7 Вячеслав Иванов, *Достоевский и роман-трагедия. Достоевский. Трагедия – миф – мистик* (Москва: Direct Media, 2014), 5.

8 Иванов, *Достоевский*, 5.

вится на то, насколько эксплицитно сверхсознание переступает грань обычной повседневности – это относится к сильной связи описываемого нами понятия с человеческой духовностью. Об этом говорится в работах К. Уилбера, одного из наиболее выдающихся современных философов. Этот мыслитель особо подчеркивает отличие между подсознанием и сверхсознанием, вопреки тому, что большинство ученых не различает обоих понятий⁹.

Далее следует пояснить, к чему сводится суть сверхсознания. Этим понятием можно назвать все то, что переступает область наглядной и рационально объяснимой реальности окружающего мира, а в основном человеческой психики¹⁰. Согласно П. Симонову, «в сверхсознании содержится нечто именно сверх, то есть нечто большее, чем сфера собственного сознания»¹¹. В результате это приводит к тому, что данный человек устанавливает связь с нечеловеческой реальностью, позволяющей понимать глубже и видеть больше. Деятельность сверхсознания приводит к порождению информации, которая логически не вытекает из ранее имеющихся у индивида знаний¹².

Немаловажным является тот факт, что, как утверждает К. Уилбер, сверхсознание относится к душевному развитию человека¹³. Соответственно, существует восемь последовательных этапов этого развития, все шире открывающих перед человеком путь в полное сверхсознание. Переходя из одного этапа в другой, человек постепенно приближается к истине человеческого существования¹⁴. По словам К. Уилбера, высочайшей степенью этого духовного пути является ощущение полной свободы души и тела¹⁵, так что сверхсознание можно воспринимать как доказательство существования божественной частицы в человеке¹⁶. Таким образом перед ним открывается возможность видеть составные части действительности насквозь.

Согласно теории религии Хуна, путь к контакту с высшими силами, в которых сверхсознание имеет свои корни, ведет через медитацию, которой необ-

9 Кэн Уилбер, *Око Духа. Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира* (Москва: Издательство АСТ, 2002), 54.

10 Ibidem, 39.

11 Павел В.Симонов, „О двух разновидностях неосознаваемого психического: Под- и сверхсознаний”, *Наука и жизнь* 1 (1980), доступ 29.05.2016, http://psylib.org.ua/books/_simon01.htm.

12 Павел В.Симонов, Петр М. Ершов, *Темперамент, характер, личность* (Москва: Наука, 1984), 75.

13 Уилбер, *Око Духа*, 54.

14 Ibidem.

15 Ibidem.

16 Ibidem, 44.

ходимо посвятить все свои чувства¹⁷. Намереваясь достигнуть такого рода состояния своего внутреннего мира, человек обязан перестать переживать проблемы повседневности и остаться в уединении. Можно сказать, что это благородный эгоизм мысли, направленный исключительно внутрь самого себя.

В этом замечаем непосредственное сходство с переживаниями, которым подвергается Раскольников, поскольку все размышления настолько вовлекают его, что он перестает созерцать происходящее вокруг него. В беспамятстве управляют им неопределенные силы, поражающие самого главного героя романа. Отметим, что все свидетели прогулок Раскольникова считают его сумасшедшим потому, что он ведет дискуссии сам с собой, не замечая никого вокруг. Поэтому рациональным кажется предположение, что в те моменты молодой человек полностью погружается в метафизическое состояние сверхсознания. Иначе говоря, мысли, переполняющие его, полностью им овладевают – осязаемый мир перестает для него существовать. Отключаясь от реальной сферы окружающего мира, он попадает в те области разума и воображения, которые недоступны в повседневном режиме существования¹⁸.

Ведь сам Свидригайлов, являясь *alter ego* Раскольникова, замечает странности поведения молодого человека.

Но не в том теперь дело, а в том, что я уже несколько раз смотрел на вас сбоку. Вы выходите из дому – еще держите голову прямо. С двадцати шагов вы уже ее опускаете, руки складываете назад. Вы смотрите и, очевидно, ни пред собою, ни по бокам уже ничего не видите. Наконец, начинаете шевелить губами и разговаривать сами с собой, причем иногда вы высвобождаете руку и декламируете, наконец, останавливаетесь среди дороги надолго. Это очень нехорошо-с. Может быть, вас кое-кто и замечает, кроме меня, а уж это невыгодно. Мне, в сущности, все равно, и я вас не вылечу, но вы, конечно, меня понимаете¹⁹.

Ввиду вышесказанного, основным положением в данной статье является то, что работа сверхсознания у Раскольникова проявляется на уровне трех пластов: предсказания будущего, чтения мыслей, а также интуитивного познания²⁰. Принимая их во внимание, постулируем, что аспекты сверхсознания становятся существенным индикатором трагизма Раскольникова. В связи с этим

17 John F. Caddy, “The Huna philosophy and ‘objective observations’”, *Syntropy* 2 (2013): 167.

18 Ibidem.

19 Федор М. Достоевский, *Преступление и наказание* (Москва: Детгиз, 1959), 452.

20 William R. Glover, *Huna. The ancient religion of positive thinking*, доступ: 28.05.2016, www.kahunaism.com/serv.php?get=2.

эмпирическую часть статьи опираем на анализ текста произведения, в котором выделяем описания состояния Раскольникова, выражающие вышеприведенные компоненты сверхсознания.

Первым аспектом сверхсознательного состояния, которому уделяем внимание, является способность предсказывать будущее. Итак, постулаты религии Хуна дают более подробную информацию на тему того, каким образом деятельность сверхсознания позволяет человеку предвидеть то, что написано в звездах. Оно входит в контакт с энергией людей, раньше живших на земле – их духи подсказывают все то, что невозможно узнать посредством сознания²¹. Благодаря этому можно получить не только их жизненный опыт и знания, но также полный обзор действительности. Они становятся источником сведений, относящихся и к прошлому, и к настоящему, и к будущему²². Таким образом парадигма предсказания будущего имеет потенциал реализоваться на фоне дедукции, осуществляемой Раскольниковым.

Эти шаги слышались очень далеко, еще в самом начале лестницы, но он очень хорошо и отчетливо помнил, что с первого же звука, тогда же стал подозревать почему-то, что это непременно сюда, в четвертый этаж, к старухе. Почему? Звуки, что ли, были такие особенные, знаменательные? Шаги были тяжелые, ровные, неспешные. Вот уж он прошел первый этаж, вот поднялся еще; все слышней и слышней! Послышалась тяжелая одышка входившего. Вот уж и третий начался... Сюда!²³

Более того, главный герой романа задумывается над судьбой людей, которых он встречает на своем пути. Стоит подчеркнуть, что все попытки предвидеть их будущее он делает без тени сомнений – выводы приходят к нему внезапно, поэтому в тексте романа они представлены как весьма точные и конкретные.

Бедная девочка! – сказал он, посмотрев в опустевший угол скамьи. – Очнется, поплачет, потом мать узнает... Сначала прийдет, а потом высечет, больно и с позором, пожалуй, и сгонит... А не сгонит, так все-таки пронюхают Дарьи Францевны, и начнет шмыгать моя девочка, туда да сюда... Потом тотчас больница (и это всегда у тех, которые у матерей живут очень честных и тихонько от них пошаливают), ну а там... а там опять больница... вино... кабаки... и еще больница... года через два-

21 Ibidem.

22 Ibidem.

23 Федор М. Достоевский, *Преступление*, 104–105.

три – калека, итого житъя ее девятнадцать аль восемнадцать лет от роду всего-с... Разве я таких не видал? А как они делались? Да вот все так и делались...²⁴

Вторым пластом сверхсознания, считаемым одной из более выделяющихся областей сверхсознания, является возможность читать человеческие мысли. Такая возможность выводится из того, что человек, обладающий активизированным сверхсознанием, чувствует энергию, исходящую от других людей, и умеет придать ей значение. Поскольку Раскольников был необычайно впечатлительным индивидом, он анализировал всех людей, с которыми ему пришлось сталкиваться. Как видим в помещенной ниже цитате, исходя из содержания письма, студент разгадывает характер и подход Петра Петровича Лужина ко всей семье Раскольниковых.

Гм, это правда, – продолжал он, следуя за вихрем мыслей, крутившимся в его голове, – это правда, что к человеку надо «подходить постепенно и осторожно, чтобы разузнать его»; но господин Лужин ясен. Главное, «человек деловой и, кажется, добрый»: шутка ли, поклажу взял на себя, большой сундук на свой счет доставляет! Ну как же не добрый? А они-то обе, невеста и мать, мужичка подряжают, в телеге, рогожею крытой (я ведь так ездal)! Ничего! Только ведь девяносто верст, «а там претблагополучно прокатимся в третьем классе», верст тысячу. И благоразумно: по одежке протягивай ножки; да вы-то, господин Лужин, чего же? Ведь это ваша невеста... И не могли же вы не знать, что мать под свой пенсион на дорогу вперед занимает? Конечно, тут у вас общий коммерческий оборот, предприятие на обоюдных выгодах и на равных паях, значит, и расходы пополам; хлеб-соль вместе, а табачок врозь, по пословице. Да и тут деловой-то человек их поднадул немножко: поклажа-то стоит дешевле ихнего проезда, а пожалуй, что и задаром пойдет. Что ж они обе не видят, что ль, этого аль нарочно не замечают?²⁵

Раскольников прежде всего хочет разгадать мнение окружающих относительно его потенциальной вины. Все его догадки перерождаются в паранюю, в связи с чем на протяжении развития сюжета он все сильнее мучается. Ему постоянно кажется, что люди притворяются, вводят его в заблуждение, чтобы в конце потрясти его роковым осуждением.

Едва только затворилась за ней дверь, больной сбросил с себя одеяло и как полумный вскочил с постели. Со жгучим, судорожным нетерпением ждал он, чтоб

²⁴ Ibidem, 76.

²⁵ Ibidem, 68.

они поскорее ушли, чтобы тотчас же без них и приняться за дело. Но за что же, за какое дело? – он как будто бы теперь, как нарочно, и забыл. «Господи! скажи ты мне только одно: знают они обо всем или еще не знают? А ну как уж знают и только прикидываются, дразнят, покуда лежу, а там вдруг войдут и скажут, что все давно уж известно и что они только так... Что же теперь делать? Вот и забыл, как нарочно; вдруг забыл, сейчас помнил!»²⁶

Такого рода догадки являются причиной того, что Раскольников становится вспыльчивым, вследствие чего он приходит в негодование.

Врете, не дамся! Ведь это еще не факты, это только мираж! Нет, вы давайте-ка фактов! И квартира не факт, а бред; я знаю, что им говорить... Знают ли про квартиру-то? Не уйду, не узнав! Зачем я пришел? А вот что я злюсь теперь, так это, пожалуй, и факт! Фу, как я раздражителен! А может, и хорошо; болезненная роль... Он меня ощупывает. Сбивать будет. Зачем я пришел?»²⁷

Третьей, и последней, составной частью сверхсознания, достойной научного внимания, считаем интуитивное познание действительности. В романе можно заметить, что интуиция поистине сказывается на поведении Раскольникова – это очередной показатель того, что протагонист Преступления и наказания попал в область сверхсознания²⁸. В те моменты, когда бывший студент находится под воздействием сильнейшего волнения, он перестает действовать рационально. Как раз тогда дает о себе знать внутренний голос, которому Раскольников полностью поддается²⁹. Необходимо заметить, что интуиция не только помогает ему совершить убийство, но и позволяет ему уйти незамеченным с места преступления. Считаем это весьма парадоксальным стечением обстоятельств, поскольку, с одной стороны, благодаря интуиции молодой человек воплощает свою идею, но, с другой стороны, из-за нее вызывает в себе беспощадные угрызения совести.

В полном отчаянии пошел он им прямо навстречу: будь что будет! Остановят, все пропало, пропустят, тоже все пропало: запомнят. Они уже сходились; между ними оставалась всего одна только лестница – и вдруг спасение! В нескольких ступеньках

26 Ibidem, 144–145.

27 Ibidem, 259.

28 Glover, *Huna*.

29 Ibidem.

от него, направо, пустая и настежь отпертая квартира, та самая квартира второго этажа, в которой красили рабочие, а теперь, как нарочно, ушли³⁰.

Сверхсознание Раскольникова переполняет его уверенностью в интуитивных предположениях, что непосредственно сказывается на действиях, совершаемых им в данный момент. В цитате особо подчеркивается факт, что Раскольников ведет свои рассуждения без тени сомнения в их правильности.

Он очень хорошо знал, он отлично хорошо знал, что они, в это мгновение, уже в квартире, что очень удивились, видя, что она отперта, тогда как сейчас была заперта, что они уже смотрят на тела и что пройдет не больше минуты, как они догадуются и совершенно сообразят, что тут только что был убийца и успел куда-нибудь спрятаться, проскользнуть мимо них, убежать; догадуются, пожалуй, и о том, что он в пустой квартире сидел, пока они вверх проходили. А между тем ни под каким видом не смел он очень прибавить шагу, хотя до первого поворота шагов сто оставалось. «Не скользнуть ли разве в подворотню какую-нибудь и переждать где-нибудь на незнакомой лестнице? Нет, беда! А не забросить ли куда топор? Не взять ли извозчика? Беда! беда!»³¹

Молодой человек становится особым медиум, однако использует свои возможности исключительно в собственную пользу, не хвастаясь этим перед остальными. В романе представлена противоположная ситуация – используя свою предрасположенность к хитрым действиям, бывший студент меняет маски, подбирая их к ситуации, в которой находится. Необходимо здесь упомянуть, что Раскольников полностью отдает себе в этом отчет, хотя сама мысль о притворстве приходит к нему в последний момент. Подсказки от сверхсознания всплывают на поверхность разума Раскольникова в ситуации особой угрозы – лишь тогда, когда напряжение превышает предел его терпения. С этим связаны различия, которые можно наблюдать между языком, используемым Раскольниковым в разговорах с другими, и языком, характерным для его внутренних рассуждений. В данной цитате сам главный герой говорит о том, что сомнения относительно адекватности собственного поступка сильно влияют на его нервную систему.

Этому тоже надо Лазаря петь, – думал он, бледнея и с постукивающим сердцем, – и натуральнее петь. Натуральнее всего ничего бы не петь. Усиленно ничего не петь!

30 Достоевский, *Преступление*, 108.

31 Ibidem.

Нет, усиленно было бы опять ненатурально... Ну, да там как обернется... посмотрим... сейчас... хорошо иль не хорошо, что я иду? Бабочка сама на свечку летит. Сердце стучит, вот что нехорошо!³²

Можно полагать, что интуиция Раскольникова приводит ко всем трагическим страданиям, поскольку долгое время он остается ненаказанным за совершенное им зло. Кроме этого никто не подозревает его в преступлении. Действует в нем определенного рода хитрость, на которую он не может повлиять. Интуиция, имеющая свои источники в сверхсознании, в последствии оказывается главной причиной, приведшей молодого человека к вере. Его противоречивые монологические размышления накопились в нем до предела его выносливости. После его пересечения единственным выходом из трагического конфликта ценностей послужило признание в вине – классическое *catharsis*. Примечательно то, что формальное судебное разбирательство по его делу и приговор – ссылка – стали для него не наказанием, а освобождением. Таким образом приходим к выводу, что истинное наказание за идею совершить убийство и воплощение ее в действительность Раскольников накладывает на себя сам – опираясь на сверхсознание, он раскаивается внутри себя.

В общих чертах, сверхсознание проявляется у Раскольникова на трех уровнях. Главным образом – это его интуитивный внутренний голос, которым он не может управлять и которому он не в состоянии сопротивиться. Иначе говоря, над молодым человеком висит трагическое фатум неизбежности пришедших к нему идеи. Имеются в произведении такие моменты, в которых к Раскольникову внезапно приходит потребность поступить и подумать определенным образом, что его самого поражает. Более того, сверхсознание позволяет Раскольникову предсказывать будущее и разгадывать мысли людей. Однако, он делает это слишком однозначно и самоуверенно, не осознавая ошибочности собственных суждений, что в конечном итоге вводит его в заблуждение. Это неслучайно, так как молодой человек был чрезмерно уверен в адекватности своих мыслей, считая себя центральным солнцем вселенной. Это необычайно печальная черта его характера – никто, кроме него, не называл его проповедником, мыслителем и могущественной личностью.

Подводя итоги, следует обратить внимание на тот факт, что сверхсознание Раскольникова ущербно, разрушительно и противоречиво по своей природе. Во-первых, Раскольников считает все выводы, к которым он приходит в последствии своих бурных переживаний, единственными и по-настоящему

32 Ibidem, 252.

правильными. Он понимает окружающий мир исключительно по-своему, не уделяя внимания альтернативным возможностям последовательности развития сюжета. Как раз поэтому и ухудшается состояние психики молодого человека. Во-вторых, вследствие того, что он слишком сильно увлекается всеми происшествиями, он видит и понимает гораздо больше, чем остальные – его кругозор необычайно широкий, но, одновременно, он страдает из-за своей способности внимательно наблюдать. Превосходные умственные качества Раскольникова начинают быть его трагическим кошмаром, постоянно его преследующим. Существенно то, что сам Достоевский писал в Записках из подполья, что «не только очень много сознания, но даже и всякое сознание болезнь», а «страдание – да ведь это единственная причина сознания». Эта закономерность безусловно реализуется в судьбе Раскольникова. В-третьих, размышления Раскольникова основываются на постоянной полемичности, в связи с чем можно судить, что вследствие преступления он потерял собственное мнение и был наделен идеями свыше. Такое состояние можно также определить как патологическое в своих последствиях расщепление личности.

Имея в виду выводы, к которым мы пришли, считаем уместным заметить, что сверхсознание Раскольникова исполняет роль индикатора его трагедии духа³³. В. Иванов этим понятием называет страдающий внутренний мир человека, погружающегося в размышления. Трагедия духа основана на перипетиях героя – необходимых этапах развития его трагической судьбы³⁴. Как пишет литературовед, каждая из этих степеней – малая трагедия, а все они, наложившись друг на друга, в конце приводят к беспощадной катастрофе. В контексте сверхсознания в качестве таких степеней использованы интуиция, предсказывание будущего и чтение мыслей. Ее масштабность связана с тем, что каждая малая трагедия разрывает на части душу данного персонажа³⁵. Из этого вытекает, что сверхсознание направлено на внедрение парадигмы трагедии духа в существование Раскольникова, становясь его трагическим наказанием за переход через грань моральности.

Библиография

Достоевский, Федор М. *Преступление и наказание*. Москва: Детгиз, 1959.

33 Иванов, *Достоевский*, 14.

34 Ibidem.

35 Ibidem.

Литература предмета

- Иванов, Вячеслав. *Достоевский и роман-трагедия. Достоевский. Трагедия – миф – мистик*. Москва: Direct Media, 2014.
- Симонов, Павел В. „О двух разновидностях неосознаваемого психического: Под- и сверхсознаний”. *Наука и жизнь* 1 (1980). Доступ 29.05.2016. http://psylib.org.ua/books/_simon01.htm.
- Симонов, Павел В., Петр М. Ершов. *Темперамент, характер, личность*. Москва: Наука, 1984.
- Уилбер, Кэн. *Око Духа. Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира*. Москва: Издательство АСТ, 2002.
- Шелер, Макс. “О феномене трагического”, в: *Проблемы онтологии в современной буржуазной философии*, ред. Т. А. Кузьмин. Рига: Зинатне, 1988.
- Caddy, John F. „The Huna philosophy and ‘objective Observations’”. *Syntropy* 2 (2013): 145–169.
- Glover, William R. *Huna. The ancient religion of positive thinking*. Доступ 28.05.2016. www.kahunaism.com/serv.php?get=2.

SUPERCONSCIOUSNESS AS THE TRAGIC “PUNISHMENT” OF RODION ROMANOVICH RASKOLNIKOV

Summary

In the article the author interprets Rodion Romanovich Raskolnikov’s inner monologues as instances of transcending into the superconscious state that eventually turn out to be the actual punishment for the crime that he committed. Taking into consideration the psychoanalytic descriptions of the thoughts of the main character of *Crime and punishment*, the author posits the idea, according to which superconsciousness realizes itself on three levels, namely: predicting the future, reading people’s minds and intuitive cognition. Their tragism boils down to paranoic features of the superconscious states that tormented Raskolnikov in the course of action of the novel, being partial, destructive, as well as contradictory.

Keywords: superconsciousness, tragic, tragic conflict

NADŚWIADOMOŚĆ JAKO TRAGICZNA „KARA”
RODIONA ROMANOWICZA RASKOLNIKOWA

Streszczenie

W niniejszym artykule autor interpretuje monologi wewnętrzne Rodiona Romanowicza Raskolnikowa jako wyrazy przejścia w stan nadświadomości, które ostatecznie stają się prawdziwą „karą” za popełnioną przez niego zbrodnię. Biorąc pod uwagę psychoanalityczne opisy myśli głównego bohatera powieści *Zbrodnia i kara*, autor artykułu stawia tezę, zgodnie z którą nadświadomość realizuje się tu na trzech poziomach: przewidywania przyszłości, czytania w myślach oraz poznania intuicyjnego. Ich tragizm zawiera się w paranooidalnych cechach stanów nadświadomościowych, które nękały Raskolnikowa na przestrzeni akcji powieści, a mianowicie we fragmentaryczności, destrukcyjności oraz sprzeczności.

Słowa kluczowe: nadświadomość, tragizm, węzeł tragiczny